

Чему только не удивишься за свою долгую жизнь. Вспоминаю тот осенний день и вижу это перед собой вновь как наяву.

После уборки зерновых комбайны переместились за соседний увал, и гул двигателей постепенно затих. Наступал вечер, и уже первые звёзды заискрились на темнеющем небосклоне. Для меня было правилом объезжать убранные поля, чтобы убедиться в качестве уборки, а затем на рабочей планёрке довести это до комбайнёров, и тем более если есть огрехи, то вместе с агрономом и управляющим отделения разобраться в причине, принять меры, а это всегда было для комбайнёров болезненно. И поэтому они старались так, что огрехи ещё надо было увидеть, найти. А от этого зависело поощрение, премирование. А как без этого?

Вижу, что уже не успеваю объехать убранный массив и меня настигает ночь. Решил, что на следующий день обязательно объеду и всё посмотрю.

На следующий день, с утра проведя планёрку с управляющими отделения и решив хозяйственные вопросы, оставив своего водителя ремонтировать автомобиль «Волга», сам за рулём на УАЗе поехал на поля, где убирали комбайнёры пшеницу. Но вначале решил объехать поля, убранные вчера вечером.

День только разгорался и должен быть погожим. На небе ни облачка, но по-сентябрьски свежо. А солнышко через стекло автомашины даже пригревало. На берёзах уже осыпалась золотисто-жёлтая листва и, поддуваемая ветерком, неслась впереди машины. Осины уже сбросили листву и стояли голые,

необычные после палитры ярких осенних красок, когда сама природа их раскрашивает, как невест на выданье.

Практически я уже объехал убранный массив, оставалось последнее поле, за сосновым околком, по покате вниз в берёзовую рощу и на равнинное поле. И что же? Выскочил на лобок увала, внизу метров за триста на берёзах увидел необозримое количество птиц тёмной окраски, с белыми пятнами на груди. Вначале подумал, что это слетелись косачи, такое по осени часто бывает, и они по опушкам после уборки зерновых подбирают зёрна, что остались в стерне. Но здесь птиц было столько, что такого вообще не должно быть!

Медленно спускаюсь к ним вниз и ближе. Боже! Да это же сороки, но их столько, сколько я никогда и не видел вместе. Было их не менее трёхсот-четырёхсот штук. Машина поехала вплотную, до них оставалось метров двадцать. Остановился. На меня (машину) они обращают ноль внимания. Но сидят на деревьях забавно. Слева от дороги сразу на берёзах штук двести — двести пятьдесят, справа в метрах семидесяти на берёзах и осинах не менее ста штук, на убранном поле в стерне штук пятнадцать-двадцать и на соломенных кучах не менее семи штук, но по одной на каждой кучке, а они (кучи) комбайнёрами всегда оставались по одной линии, то есть как в президиуме, и перед ними в двух-трёх метрах — две сороки: друг на друга наскакивают, кричат — аж перья летят...

Выключив двигатель, открыв дверцу, не выхожу, смотрю. Кричат только две сороки, а остальные молчат и смотрят на них. Которые на соломенных кучках, склонили головы набок и как бы искоса смотрят на них. А те две просто разоряются и, кажется, друг друга разнесут. Одна отбежит, другая за ней — и обратно, но всё это на одной площадке размером с метр. Слева сороки вообще молчат, те, которые подалее, начнут немного орать и тут же замолкают.

Прошло немного времени — эти две перестали драться и орать друг на друга, разошлись и встали на расстоянии метра друг от друга. Стоят. Тут одна начала щебетать, а ей вторить вторая на соломенных кучах. Успокоились. Тогда одна из тех, которые дрались, пошла по стерне к тем, что стояли поодаль.

Подошла к ним, к ней подскакали другие, и все защебетали, причём одна, другая, перелетела к той, которая осталась одна перед «президиумом», и начала что-то орать на неё. Затем отошла в сторону, подлетела другая, брань повторилась. Потом две отошли, осталась одна. На берёзах молчат. А те, что в стерне, постоянно менялись перед «президиумом», дрались между собой и что-то доказывали. Видимо, это был какой-то суд чести, когда слетелись сороки со всей волости. И разбор у них шёл не шуточный. «Судьи» на соломенных кучках выслушивали спорящие стороны.

Постояв не менее тридцати минут, а на меня никто внимания не обращал, решил ехать. Дел на работе было невпроворот, но дорога была одна, мимо них, спорящих и судей, и ещё берёзовой рощей. Расстояние между рощицей и машиной слева было не менее семи метров, а до спорящих где-то метров десять. Завёл двигатель, ни одна птица на меня не посмотрела, тронулся, еду потихоньку. Никто не встрепенулся, не взлетел, не улетел. Меня они просто игнорировали и не обращали на меня внимания.

Не выдержал я: отъехав метров тридцать, остановился. Птичий концерт продолжался, но уже не две, а три сороки дрались и кричали между собой. Как я жалел, что не знаю птичьего языка. Много интересного можно было узнать и рассказать. Причём впоследствии, копаясь в архивах, я нашёл ответ в белорусской прозе: они такое явление отнесли и объяснили как «шабаш ведъм».

Так это или не так, но мне было отрадно, что я был участником природной загадки. Не стал я дожидаться конца развязки. Уехал. Но долго ещё в зеркало заднего вида машины я видел сорок, озабоченных и решающих какие-то свои лесные глобальные вопросы в своём птичьем мире. А на душе было радостно. Сама природа подарила мне незабываемую встречу и загадку. Что же это было? Вот так-то...

Любите природу, наблюдайте за ней, и вы увидите и встретите обязательно что-то интересное, волнующее...